

Сергей Патрушев

Душа пацана

Сергей Патрушев

Душа пацана

<https://litres.ru/74069836>

SelfPub; 2026

Аннотация

Ему двадцать четыре. Он стоит в тёмном коридоре старой квартиры, в кармане — мятые купюры, за спиной — увольнение, предательство лучшего друга и девушка, которая сказала: «Ты слишком хороший, с тобой трудно». Жизнь разбита. Можно сдать. Запить. Упасть. Но он прислоняется к холодной стене, смотрит на своё отражение в мутном стекле и улыбается. Потому что внутри у него горит огонёк, который не тушится ничем.

Так начинается эта история. История длиною в целую жизнь. О парне, у которого ничего не было, кроме упрямой веры в то, что после самой чёрной ночи наступает рассвет. Он прошёл через всё — через голод, через ложь, через смерть тех, кого любил больше себя. Он строил дома и строил себя. Встретил женщину, которая дала ему крылья. Потерял её. И снова научился дышать.

«Душа пацана» — это книга-река. Она течёт сквозь десятилетия, несёт в себе боль и радость, отчаяние и надежду. Она о том, что любовь не умирает. О том, что предательство можно простить.

Сергей Патрушев

Душа пацана

Глава 1. Солнце на перекошенном лице

Лифт не работал, и это было закономерно. Алексей поднялся пешком на восьмой этаж хрущёвки, чувствуя, как под ложечкой сосёт не столько от голода, сколько от едкой, выматывающей пустоты. Он открыл дверь своим ключом, вошёл в тёмный коридор и, не включая света, прислонился спиной к стене. Обои за его спиной были холодными и немного влажными. В квартире пахло пылью и почему-то мокрой газетой — запах бедности, который не выветривается никакими сквозняками.

Сегодня его снова уволили. Это было уже пятое место за последние полтора года. Он работал грузчиком на складе бытовой техники, и бригадир, красномордый мужик с вечно потными подмышками, вызвал его в конце смены и, глядя куда-то в стену, буркнул: «Извини, Лёха, сокращение. Ты парень исполнительный, но сам понимаешь, времена тяжёлые. Получи расчёт в бухгалтерии». Никакого сокращения не было, Алексей знал это точно. Просто вчера он случайно услышал, как бригадир договаривался с каким-то своим родственничком о трудоустройстве. Его место просто осво-

бодили. Вежливо, без скандала, поставив перед фактом, как выставляют за дверь надоевшего, но безобидного котёнка.

До склада была автомастерская, куда он устроился учеником механика. Ему нравилось копаться в железе, нюхать бензин и литол, чувствовать руками шершавые поверхности деталей. Но мастер, пожилой дядька с золотыми зубами и вечным перегаром, смотрел на него волком. Алексей не пил, не курил, не матерился через слово и не норовил надуть клиента на лишнюю копейку. Он был инородным телом в этом коллективе, где главным мериллом крутости было умение «раскурочить движок под шашлычок». Его подставили глупо и подло — подбросили в ящик с инструментами дорогой датчик, который якобы пропал со склада. Объяснять он ничего не стал. Ушёл молча, понимая, что оправдываться перед людьми, которые уже всё за тебя решили, — только попусту тратить воздух. Хозяин сервиса, жирный армянин, глядя на него с брезгливой усмешкой, сказал тогда: «Ты не механик, ты философ. Иди лечи душу, а машины мы без тебя починим». И это было обидно. Не потому, что оскорбил, а потому, что был по-своему прав. Душа у Алексея действительно была слишком тонкой для этого мира гаечных ключей и кувалд.

Самым обидным было даже не это. Больше всего било по нервам то, что происходило этой весной, когда, казалось,

небеса на мгновение разомкнули свинцовые тучи и показали ему кусочек настоящего, тёплого счастья. Её звали Лиза. Она работала бариста в маленькой кофейне на проспекте, куда Алексей забегал иногда выпить американо, когда ещё водились деньги. У неё были русые волосы, собранные в небрежный пучок, из которого всё время выбивались прядки, серые, как невская вода, глаза и удивительная привычка морщить нос, когда она смеялась. Их роман был коротким и стремительным, как апрельский снегопад. Прогулки по набережной, остывший кофе, который они забывали пить, увлечшись разговором, её холодные ладошки в его больших шершавых ладонях. Ему казалось, что он нашёл ту самую гавань, где можно бросить якорь и наконец-то перестать барахтаться в волнах одиночества. Она говорила, что он «не такой, как все», что его доброта — это атавизм, редкий дар, за который она его и полюбила. Он верил этим словам. Он носил их в себе, как святой оберег, когда опять оставался без работы, а на душе скребли кошки.

Предательство Лизы было каким-то анекдотичным, кухонным, отчего становилось ещё гаже. Он пришёл к ней без звонка, купив по дороге букет жёлтых тюльпанов — её любимых. Хотел сделать сюрприз, поддержать в трудную минуту, ведь накануне она жаловалась, что её тошнит от этой работы, от вечно орущего администратора и придиричивых клиентов. Дверь в её съёмную квартиру оказалась не заперта. Он во-

щёл тихо, хотел окликнуть, но из комнаты доносились звуки. Даже не стоны, а какое-то деловитое сопение, прерываемое короткими фразами. Мужской голос, низкий и уверенный, говорил: «Тебе удобно, малыш?». А её голос, который он так любил, отвечал: «Да, только дверь, кажется, открыта».

Алексей стоял в коридоре, всё ещё сжимая в руках влажные от уличного холода стебли тюльпанов, и смотрел на своё отражение в тёмном стекле серванта. Лицо у него было бледное и какое-то перекошенное, словно сквозь воду. Он аккуратно, почти бесшумно положил букет на тумбочку для обуви, вышел и прикрыл за собой дверь, стараясь, чтобы замок щёлкнул как можно тише. Она даже не узнала, что он приходил. Спускаясь по лестнице, он не чувствовал ничего, кроме звенящей, морозной ясности в голове. Ему хотелось не плакать, не крушить стены, а просто сесть на корточки и засмеяться. Господи, ну за что? За что снова эта дурацкая сцена в духе дешёвой мелодрамы? Он не искал её потом, не писал сообщений, не унижался вопросами: «Почему? Кто он?». Она сама через день набрала его номер, её голос дрожал: «Лёш, нам надо поговорить. Так вышло, я запуталась. Ты слишком хороший, понимаешь? С тобой надо быть идеальной, а я так не умею. Ты давишь своей чистотой». Вот так. Не пьёшь, не бьёшь, не изменяешь — и это становится обвинением. Ты давишь своей чистотой. Лучше бы ударил, честное слово, было бы не так нелепо.

Он не ответил ей тогда, просто сбросил звонок и зашёл в продуктовый магазин купить буханку самого дешёвого хлеба. Денег в кармане было ровно на батон и пол-литра кефира. И вот сейчас, стоя в тёмном коридоре своей квартиры на восьмом этаже, он вспоминал эти тюльпаны, этот скрип чужой кровати и слова о чистоте, которая якобы душист. Друзья? Какие друзья. Был у него один приятель, Серёга, с которым они с детского сада за одной партой. Серёга был тем ещё прохвостом, вечно вляпывался в истории, занимал деньги и пропадал. Алексей тянул его, тащил, как баржа тащит гнилую лодку. Месяц назад Серёга попросил его стать поручителем по микрозайму. Клялся мамой, что это «просто подпись», что он отдаст через неделю. Через неделю Серёга исчез, отключил телефон, а вчера Алексею позвонили из микрофинансовой организации и вежливым, кладбищенским голосом сообщили, что он должен солидную сумму. Сумму, которую ему сейчас даже представить страшно. Ирония судьбы: его предал последний человек, которого он считал товарищем. И сделал это не с ножом в подворотне, а банально, почти скучно — с помощью шариковой ручки и договора.

Алексей прошёл на кухню, не снимая обуви. Здесь было хоть немного светлее от уличных фонарей. Он открыл кран, набрал в стакан мутноватой тёплой воды и выпил залпом. В

зеркале над раковиной он увидел своё лицо. Молодой ещё совсем парень, двадцать четыре года, а под глазами уже залегли глубокие серые тени. Каштановые волосы давно пора стричь, они торчат в разные стороны, придавая ему вид то ли художника-неудачника, то ли беспризорника. Взгляд затравленный, но странное дело — в самой глубине зрачков ещё теплился какой-то непотопляемый огонёк. Он смотрел на себя и не узнавал. Где тот пацан, который с золотой медалью закончил школу, который верил, что мир открыт перед ним, как свежий альбомный лист? Где его планы о техническом институте, о карьере инженера, которую пришлось бросить на третьем курсе, потому что умерла мать, и надо было выживать? Отец ушёл из семьи давно, канул в неизвестном направлении, даже на похороны бывшей жены не явился. И остался Алексей один. Один на один с этой чудовищной, равнодушной, железобетонной реальностью.

Он выложил из карманов куртки жалкие мятые купюры — его расчёт за последнюю неделю. Денег хватит на пару дней скромной еды и на проезд, если совсем не шиковать. Надо снова идти на поклон в центр занятости, вписываться в бесконечные списки безработных, обивать пороги отделов кадров, где на него будут смотреть как на пустое место. Надо будет как-то решать вопрос с долгом за Серёгу, иначе коллекторы и суды. Вся эта лавина проблем навалилась на него разом, сжала голову ледяными тисками. Воздух в кухне стал

плотным, вязким. Обычный человек в такой момент либо запил бы горькую, уйдя в запой недели на две, либо озлобился на весь белый свет, начав мстить и крушить всё вокруг. А может быть, вышел бы на балкон и посмотрел вниз, на мокрый асфальт, с каким-то липким, тошнотворным любопытством.

Алексей стоял у окна, глядя на ночной двор, засыпанный неубранным мартовским снегом, который уже превратился в чёрное месиво. Во дворе компания подростков орала под гитару, фальшивя и матерясь. Жизнь кипела. Где-то там, за горизонтом, люди радовались, строили планы, занимали друг у друга деньги и не отдавали, целовались с чужими девушками и спали спокойно. А он стоял здесь, на своей кухне, у разбитого корыта, имея за душой лишь пару сотен рублей, предательство друзей, измену любимой и полное отсутствие перспектив. Положение было аховым. Таким аховым, что дальше просто некуда. Глубже дна не бывает. Это и было самое настоящее, холодное и склизкое дно.

И вот тут-то, среди этого безнадёжного, мёртвого космоса, произошла удивительная, почти не поддающаяся рациональному объяснению вещь. Сперва дрогнул уголок рта. Затем натянулись скулы. Губы, обветренные и сухие, растянулись в стороны, обнажая зубы. Алексей улыбался. Он улыбался своему отражению в тёмном стекле, и от этой улыбки

по спине у него самого пробежал холодок, но это был холодок не страха, а какого-то странного, освежающего восторга. Он смотрел на себя — битого, униженного, кинутого всеми, кому доверял, — и улыбался так широко и открыто, словно ему только что сообщили о выигрыше в лотерею.

Что это было? Идиотизм? Шок? Помешательство рассудка от перегрузок? Ни то, ни другое, ни третье. Просто Алексей так был устроен. Такой уж у него был внутренний стержень, сделанный, казалось, не из стали, а из какого-то негнущегося, упрямого дерева, которое гнётся до самой земли под напором урагана, но стоит буре стихнуть — выпрямляется обратно, весело пружиня ветвями. Он не умел ненавидеть долго. Он не мог гнить изнутри, пережёвывая обиду и зависть. Обида, полежав в нём пару часов, превращалась в какую-то житейскую мудрость, а зависть он отсекал на корню, как вредный сорняк. Ну уволили. Ну и что? Значит, не его место. Значит, эти мешки с сахаром и вечно орущий бригадир — не та вершина, на которую ему стоит взбираться. Ну предала Лиза? Сердце при этих словах ещё сжималось, давило тупой болью, но даже сейчас, стоя в темноте, он вдруг ясно понял, что не нужна ему баба, которая «задыхается от его чистоты». Глупость какая. Разве можно задыхаться от чистоты? От грязи задыхаются, от вони, от лжи. Ну а Серёга... Серёгу было просто жалко. По-человечески, брезгливо жалко, как жалко наркомана, который украл у матери последнее зо-

лотое кольцо. Значит, не было друга. Был мираж. Была пустота в форме человека. И эту пустоту надо просто вычеркнуть из памяти.

Он не сдавался. Словно внутри у него была спрятана тугая, мощная пружина, которая с каждым новым ударом судьбы сжималась всё сильнее, накапливая колоссальную потенциальную энергию. Он верил в себя с упорством муравья, который тащит соломинку, верит, что построит муравейник, даже если по нему только что прошёлся сапог. Откуда бралась эта вера? Возможно, он выпитал её с молоком матери. Та, помнится, вечно уставшая, работавшая на двух ставках медсестрой, никогда не жаловалась. Даже когда её бросил муж, даже когда денег не хватало до получки, и они ели пустые макароны с маргарином, она говорила: «Ничего, Лёшенька, глазки страшатся, а ручки делают. Прорвёмся. Мы ж сильные». И прорывалась. И вырастила его, и дала путёвку в жизнь, пока рак не сожрал её за считанные месяцы. Вот это была трагедия. А всё остальное — так, временные неприятности. Подумаешь, уволили. Подумаешь, денег нет. Это всё решаемо, пока ноги ходят, а руки могут держать инструмент.

Он отошёл от окна, включил наконец свет на кухне. Лампочка под засаленным плафоном зажглась тусклым жёлтым светом. Алексей налил себе ещё стакан воды, отрезал краюху хлеба, намазал тонким слоем старого, уже засахарившегося

варенья, которое осталось с прошлой осени, и начал жевать. Вкус был кисло-сладкий, бодрящий. Он ел и думал. Нет, не думал, он мечтал. Мечта о будущем была его главным наркотиком. Он рисовал в своём воображении светлые, почти стереоскопически яркие картины того, как всё изменится. Вот он находит работу. Не просто шабашку, а нормальное, мужское дело, где пригодятся его светлая голова и его золотые, растущие откуда надо руки. Вот он выплачивает долг за этого придурка Серёгу, скидывая это ярмо со своей шеи. Вот он встречает девушку — не такую ветреную и красивую снаружи, а настоящую, с которой можно будет разговаривать ночи напролёт, которая не испугается его бедности, потому что увидит в нём тот самый стержень. Он видел свой будущий дом. Не эту убитую двушку с запахом газет, а что-то маленькое, но своё, уютное. Может быть, получится выкупить участок за городом и построить дом? А почему нет? Руки-то есть.

Он ел хлеб, запивал водой и улыбался. Со стороны это выглядело бы безумно. В три часа ночи, в пустой квартире, на краю финансовой и личной пропасти сидит парень и улыбается, кроша батон на грязный линолеум. Но ему было плевать, как это выглядит. Он знал главный секрет: тьма не любит, когда ей улыбаются в лицо. Тьма, неудачи, предательство — все эти монстры питаются твоим страхом, твоими слезами, твоим отчаянием. А когда ты, избитый и окро-

вавленный, вдруг поднимаешь голову и начинаешь смеяться, они теряются. Они не знают, что с таким делать. Как можно победить того, кто радуется своей битве?

Именно это и произошло сегодня. Его душа, душа обычного пацана с рабочих окраин, прошла ещё одну закалку. Его предали, обманули, швырнули в грязь лицом, а он встал, отряхнулся и сказал миру: «Ну всё? Это всё, что ты можешь?». Он не кричал этого вслух. Он просто смотрел в окно, на затянутое тучами небо, на котором не было видно ни одной звезды, и в глазах его звёзд было гораздо больше. Вера в себя — это ведь не просто глупая самоуверенность. Это точное, математически выверенное знание того, что тебе дана жизнь, а значит, тебе даны и силы с ней справиться.

Завтра он проснётся в семь утра. Обольётся холодной водой, чтобы взбодриться. Сварит себе самый дешёвый паке-тированный кофе без сахара. Наденет свою единственную приличную рубашку и пойдёт на биржу труда. Он будет стоять в очередях, заполнять анкеты, вежливо улыбаться усталым тётям в окошках. Он будет искать любую возможность. Возможно, пойдёт разгружать вагоны на станцию, а вечером выйдет на подработку курьером на старом, скрипучем велосипеде. Он не боится работы. Он боится только одного — потерять вот этот свет внутри себя. Потерять способность улыбаться, когда больно. Потерять надежду, когда

вокруг беспросветная чернота. А пока эта способность при нём, он непобедим.

Он доел хлеб, смахнул крошки в раковину и выключил свет. Квартира снова погрузилась в темноту, но теперь эта темнота не казалась зловещей. Это была просто ночь. А любая ночь рано или поздно заканчивается рассветом. Алексей прошёл в комнату, лёг на скрипучий диван, не раздеваясь, и укрылся старым пледом. Тело ломило от усталости, в ногах гудела слабость. Он закрыл глаза и представил себе необъятное пшеничное поле и солнце, которое встаёт из-за горизонта, заливая всё вокруг золотом. В это поле он и шагнёт завтрашним утром. Прямо с порога своей обшарпанной пятиэтажки. И плевать, что за окном пока что грязный снег и серый асфальт. Для него там уже вошло солнце. Его личное, упрямое солнце на перекошенном, но улыбающемся лице. Всё только начинается. Самая тёмная ночь — это ещё не конец истории, это лишь первая глава, после которой обязательно будет вторая.

Глава 2. Асфальтовая лилия

Утро встретило его колючим, промозглым ветром и серой моросью, висящей в воздухе. Алексей вышел из подъезда ровно в семь, как и планировал, чувствуя бодрящий холодок на коже после ледяной воды. Старая куртка, протёр-

тая на руках, грела плохо, но он шёл быстро, почти бежал, разгоняя кровь. Город только просыпался. Дворники лениво скребли асфальт, сгоняя в кучи остатки грязного снега. Где-то под ногами уже журчали робкие ручейки. Весна наступала.

Центр занятости встретил его знакомым запахом хлорки и бумажной пыли. Очередь была длинной, разношёрстной. Здесь стояли люди с потухшими глазами, в которых уже поселилась хроническая, застарелая безнадёга. Кто-то нервно теребил папку с документами, кто-то тупо смотрел в экран дешёвого телефона, кто-то дремал, прислонившись к стене. Алексей не чувствовал себя частью этой толпы. Да, он был безработным, но внутри него всё ещё горел тот самый огонёк, который не давал плесневеть душе.

— Следующий, — раздался равнодушный голос из окошка.

Он подошёл, вежливо поздоровался и протянул документы. Женщина за стеклом, полная блондинка с ярко-красными, точно клоунскими, губами, долго перебирала бумаги, хмурила брови и наконец выдала вердикт:

— По вашей специальности ничего нет. Инженер-строитель без диплома? Молодой человек, вы даже не доучились.

Могу предложить вакансию уборщика в торговый центр. Ночные смены. Или дворником в ЖЭК. Больше ничего.

Алексей кивнул, взял направления и отошёл. Уборщик. Дворник. Что ж, это тоже работа. Это не навсегда. Это ступенька. Главное — не останавливаться.

Он вышел на улицу, и тут позвонил телефон. Номер был незнакомый, но он машинально ответил.

— Алло, Алексей? — голос был мужской, уверенный, с хрипотцой. — Меня зовут Дмитрий Сергеевич. Вы оставили анкету на сайте по подбору персонала ещё месяц назад. Нам срочно требуется помощник на стройку. Объект на окраине, коттеджный посёлок. Работа временная, но платим хорошо. Подойдёте сегодня к десяти?

У Алексея перехватило дыхание. Стройка. Это было именно то, что он хотел. Пусть не инженером, пусть помощником, пусть таскать раствор и кирпичи — но это его стихия.

— Конечно, подойду. Диктуйте адрес.

Он записал адрес на смятом чеке из магазина, сунул в карман и быстрым шагом направился к автобусной остановке. В груди теплилось странное, полузабытое чувство. Предвку-

шение. Надежда.

Объект находился за кольцевой, среди голых ещё полей и перелесков. Добираться пришлось долго, с пересадками. Когда он вышел из автобуса и зашагал по разбитой грунтовке, перед ним открылся вид на новый коттеджный посёлок. Аккуратные домики из красного кирпича, кое-где уже с крышами, пахли свежей древесиной и цементом. Где-то тарахтел генератор, слышались крики рабочих, лязг металла. Жизнь кипела.

Прорабом оказался тот самый Дмитрий Сергеевич, звонивший ему утром — коренастый мужик лет пятидесяти с обветренным, кирпичного цвета лицом и внимательными, цепкими глазами.

— Значит так, парень, — сказал он, оглядев Алексея с ног до головы оценивающе. — Мне нужен не просто черно-рабочий. Мне нужен человек с головой. Вижу, ты не алкаш, руки не трясутся. Пойдёшь помогать каменщикам, раствор месить, кирпич подавать. Но если проявишь себя — оставлю надолго. У нас тут целый посёлок строится, работы невпроворот. Плачу восемьсот в день. Плюс обед за мой счёт. Согласен?

— Согласен, — ответил Алексей, даже не думая.

Ему выдали старую, но крепкую спецовку, брезентовые рукавицы и сапоги. Бригада встретила его настороженно, без улыбок. Мужики всё больше возрастные, битые жизнью, с татуировками на грубых руках и вечным запахом табака. Они покосились на новенького, но ничего не сказали. Алексей понимал, что должен заслужить их уважение. Не словами — делом.

Первый день был адским. Он таскал на носилках цементный раствор, месил его в бетономешалке, подвозил на тачке кирпичи, вязал арматуру, убирал строительный мусор. Ладони горели даже через рукавицы. Спина ныла. Пот заливал глаза, смешиваясь с пылью. Но он работал с какой-то звериной, отчаянной самоотдачей. Он чувствовал, как мышцы наливаются приятной, тёплой усталостью, как голова очищается от всех лишних мыслей. Здесь, на стройке, всё было честно и просто. Есть задача — надо её выполнить. Никто тебя не обманет, не предаст, не упрекнёт в излишней чистоте души. Только ты, материал и результат.

В обеденный перерыв он сидел на штабеле досок, жевал бутерброд с колбасой, выданный прорабом, и смотрел на заходящее солнце. День пролетел незаметно. Рядом присел один из каменщиков, дядька с седыми усами и хитрым прищуром, которого все звали просто Михалыч.

— Откуда такой взялся, шустрый? — спросил он, закуривая. — Вижу, не боишься работы. Это хорошо. Редкость нынче. Молодёжь всё больше в офисах хочет сидеть, попой вертеть да деньги получать. А ты руками, значит.

— Так получилось, — ответил Алексей. — Люблю, когда видно, что сделал.

— Правильно, — одобрительно кивнул Михалыч. — Стройка — дело честное. Ты кирпич положил — он лежит. Раствор замешал — он схватился. Тут не соврёшь, не схалтуришь. Это тебе не бумажки перекладывать.

Так, за разговорами и работой, прошла неделя. Алексей втянулся. Бригада его приняла. Оказалось, что мужики, несмотря на суровый вид, были людьми добрыми и отходчивыми. Они оценили его усердие, его молчаливую надёжность, его готовность браться за самое грязное и тяжёлое. Михалыч, оказавшийся каменщиком с сорокалетним стажем, даже начал потихоньку учить его своему ремеслу.

— Смотри, пацан, — говорил он, орудуя кельмой, — кирпич надо класть не просто ровно, а с душой. Дом — он же как человек. У него скелет есть, нервы в виде проводки, кожа в виде штукатурки. И если ты положишь криво, душа у

него будет кривая. А в кривом доме и жизнь у людей будет кривая.

Алексей впитывал эти уроки как губка. Он приходил домой, валился с ног от усталости, но чувствовал небывалое, давно забытое удовлетворение. Он снова был на своём месте. Пусть пока в самом низу. Но теперь у него была почва под ногами.

С деньгами стало немного легче. Первую недельную получку он честно разделил: часть отложил на еду, часть на проезд, а ещё часть — в заветный конверт, спрятанный под половицей. Этот конверт был его тайной. Он копил на то, чтобы начать собственное дело. Пока это была лишь мечта, туманная и далёкая, но Алексей уже знал, куда пойдёт дальше. Он хотел стать строителем-отделочником. Научиться делать ремонты под ключ. Спрос на это есть всегда. А когда-нибудь, возможно, и самому построить дом.

Через две недели случилось неожиданное. Его вызвал к себе Дмитрий Сергеевич.

— Слушай, Лёха, — сказал прораб, потирая переносицу. — У нас на соседнем участке стоит дом. Уже под крышей. Хозяин — человек непростой, бизнесмен из города. Ему нужна внутренняя отделка. А бригады у него нет. Я по-

рекомендовал тебя. Скажу честно: рискованно. Но ты парень с головой, руки золотые. Возьмёшься?

— Я же ещё не умею толком, — честно признался Алексей. — Отделку только в теории знаю.

— Научишься. Михалыч поможет. Да и хозяин в курсе, что ты молодой. Он готов дать тебе шанс. Но спрос будет строгий. Если запоришь — голову снесу обоим.

Алексей согласился, не раздумывая. Судьба снова кидала ему вызов. Страшно было до дрожи в коленях. Но страх — это всего лишь эмоция. А дело — это дело. Его надо просто делать.

В тот вечер он вернулся домой поздно. Ноги гудели, в голове шумело от усталости и новых планов. Он зашёл в свою пустую кухню, включил свет и вдруг заметил на подоконнике нечто необычное. В старой, треснувшей кружке, которую он использовал вместо горшка, проклюнулся росток. Он совсем забыл про него. Когда-то, ещё осенью, он воткнул в землю косточку от финика и забыл. А теперь из сухой земли тянулся к свету бледно-зелёный, хрупкий стебелёк с двумя крошечными листочками.

Алексей присел на корточки и долго смотрел на этот ро-

сток. Он пророс в темноте, в холоде, в забвении. Но всё равно нашёл в себе силы пробиться к свету. Разве это не чудо? Разве это не доказательство того, что жизнь невозможно остановить?

Он улыбнулся и бережно полил росток водой из кружки. Это маленькое растение стало для него символом. Тем самым символом надежды, который не купишь за деньги и не найдёшь случайно на дороге. Он вырос здесь, в его доме, из ничего. Так же, как и его вера в себя.

На следующий день он поехал на встречу с заказчиком. Дом оказался большим, двухэтажным, с панорамными окнами и высокими потолками. Хозяин, мужчина лет сорока в дорогом пальто, встретил его на пороге. Он смотрел на Алексея оценивающе, но без высокомерия.

— Дмитрий сказал, ты толковый, — произнёс он, пожимая руку. — Мне нужен не халтурщик, а человек, который сделает всё по уму. У меня здесь будет жить дочь. Хочу, чтобы дом был светлым. Как думаешь, справишься?

— Справлюсь, — ответил Алексей твёрдо. — Обещать не могу, что быстро. Но сделаю так, что стыдно не будет.

Заказчик кивнул и провёл его по комнатам, объясняя, что

и где должно быть. Алексей слушал внимательно, запоминал, прикидывал в уме объём работ. Это был огромный проект. Целый дом. Его первый дом. И он должен был стать началом его нового пути.

Вечером, сидя на пустом подоконнике в одной из будущих спален, он смотрел через грязное стекло на закат. Солнце садилось за голыми деревьями, окрашивая небо в оранжевый и розовый. В этом доме пока не было тепла, не было света, не было жизни. Но Алексей уже видел её. Видел стены, выкрашенные в спокойные, тёплые тона. Видел деревянные полы, по которым будет приятно ходить босиком. Видел лампы, льющие мягкий, уютный свет. Видел улыбку незнакомой ещё девушки, которая войдёт сюда и скажет: «Как здесь красиво». Он строил не просто стены. Он строил будущее. Сначала для кого-то, а потом, возможно, и для себя.

И впервые за долгое время он почувствовал себя не жертвой обстоятельств, а хозяином своей судьбы. Да, его предавали. Да, его увольняли. Да, над ним смеялись. Но всё это было там, в прошлом. А здесь и сейчас, на этом бетонном подоконнике, сидел человек, который мог изменить свою жизнь своими собственными руками. И он обязательно это сделает. Потому что надежда — это не просто ожидание чуда. Это работа. Трудная, каждодневная, иногда грязная. Но это та работа, которая превращает пустые мечты в настоящую, ося-

заемую реальность.

Уходя, он закрыл дверь на ключ и положил его в карман. Теперь у него был свой объект. Своя ответственность. И свой шанс.

Глава 3. Три кита

Работа в новом доме закипела ранней весной, когда воздух ещё был пропитан талой водой и запахом прелых прошлогодних листьев, но небо уже очистилось до звенящей, пронзительной голубизны. Алексей приходил на объект с первыми лучами солнца, открывал тяжёлую металлическую дверь своим ключом и вдыхал влажный, холодный запах бетона и штукатурки. Этот запах стал для него родным. Он означал начало. Он означал возможность.

Первые недели были катастрофически трудными. Теория, которую он помнил по институтским лекциям, разбивалась о суровую реальность. Штукатурка ложилась неровно, углы выходили кривыми, а грунтовка то и дело отслаивалась вместе со старым бетонным слоем. Алексей злился на себя, переделывал по нескольку раз, вытирал пот со лба и упрямо продолжал работу. Михалыч заходил по вечерам, осматривал фронт работ, хмурил седые брови и неизменно говорил одно и то же:

— Не спеши, Лёха. Штукатурка спешки не любит. Она, как баба, требует ласки и терпения. Ты с ней поговори, пойми её, тогда она тебе ответит взаимностью.

И Алексей разговаривал. Со стенами, с потолками, с капризной шпаклёвкой, которая то растекалась жидким киселем, то застывала каменной коркой. Он учился чувствовать материал кончиками пальцев. Учился понимать, когда раствору нужно дать настояться, а когда его пора наносить. Через месяц его движения стали уверенными и точными. Стены выравнивались идеально. Углы становились острыми, как лезвие ножа. Михалыч, зайдя как-то раз и проведя ладонью по свежесвыровненной поверхности, удивлённо крикнул:

— Ну, брат, да ты талант. Я сорок лет кладу, а ты за месяц догнал. Это, знаешь, от Бога. Не каждому дано.

Похвала старого мастера была дороже любых денег. Алексей стоял посреди пустой комнаты, залитой вечерним солнцем, и чувствовал, как в груди разливается тепло. Его труд заметили. Его оценили. Это было новое, почти забытое чувство. Чувство, что ты не пустое место. Что ты что-то значишь в этом мире.

Деньги с нового объекта пошли хорошие. Заказчик, тот

самый бизнесмен, заезжал раз в неделю и оставался доволен качеством. Он платил исправно, иногда даже давал аванс на материалы, не требуя отчётов и чеков. Это доверие Алексей ценил превыше всего. Он закупал краску, шпаклёвку, дерево для будущих полов — всё лучшее, что мог найти. Он не экономил. Он строил так, словно этот дом был его собственным. Словно здесь будут жить его собственные дети.

По вечерам, возвращаясь домой, он продолжал ухаживать за своим ростком. Финиковая пальма, которую он в шутку прозвал Зинаидой, окрепла и выбросила ещё несколько ярко-зелёных листьев. Алексей купил для неё настоящий глиняный горшок, пересадил и поставил на самое светлое место. Поливал, опрыскивал, даже разговаривал иногда. Это могло показаться смешным, но ему было всё равно. В этом растении он видел себя. Такого же упрямого, живучего, тянущегося к солнцу сквозь любые преграды. Зинаида отвечала ему бурным ростом.

В один из таких вечеров, когда он сидел на кухне и, размешивая сахар в кружке с чаем, смотрел на пальму, в дверь неожиданно постучали. Алексей вздрогнул. Он не ждал гостей. Да и некому было к нему ходить. Серёга исчез, другие знакомые давно забыли о его существовании. Он подошёл к двери, глянул в глазок и обмер.

На лестничной площадке стояла Лиза.

В первое мгновение он хотел сделать вид, что его нет дома. Просто затаиться и подождать, пока она уйдёт. Но она постучала снова — тихо, неуверенно, словно сама сомневалась, имеет ли право здесь находиться. И он открыл.

Она стояла перед ним и выглядела совсем не так, как в их последнюю встречу в кофейне. Не было яркого макияжа, не было задорной улыбки. Лицо осунувшееся, под глазами тени, волосы собраны в небрежный хвост. Она мяла в руках старенький клатч и смотрела куда-то в пол.

— Привет, Лёш, — тихо сказала она. — Можно войти? Я ненадолго.

Он молча отступил в сторону и пропустил её в коридор. Она прошла на кухню, села на край табуретки, не раздеваясь, и долго молчала. Алексей сел напротив. Внутри у него боролись два чувства: старая, забытая боль от предательства и что-то новое, ещё не осознанное. Спокойствие? Безразличие? Он сам не мог понять.

— Я знаю, что не имею права приходить, — начала Лиза, и голос её дрогнул. — После того, что случилось. После того, как я с тобой поступила. Я просто хотела сказать... я хотела

извиниться. Искренне. Ты этого не заслужил. Ты был слишком хорошим. А я дура. Полная дура.

Она замолчала, глотая слёзы. Алексей смотрел на неё и вдруг понял, что та прежняя, жгучая обида ушла. Её больше не было. Осталась только лёгкая, почти прозрачная грусть. Как воспоминание о чём-то, что было очень давно и с кем-то другим.

— Я не держу зла, Лиза, — сказал он спокойно, и сам удивился тому, насколько искренне звучат эти слова. — Всё, что ни делается, всё к лучшему. Ты была частью моей жизни. Хорошей частью. А то, что случилось потом... это был твой выбор. Я его принял.

Она подняла на него заплаканные глаза и долго всматривалась, словно пытаясь найти в его лице хоть каплю лжи или затаённой обиды. Не нашла.

— Ты изменился, — прошептала она. — Ты стал другим. Сильным. Спокойным. Я такой тебя не помню.

— Жизнь меняет, — ответил он просто. — Когда падаешь на самое дно, есть два пути: остаться там или оттолкнуться и всплыть. Я выбрал второе.

Они проговорили ещё около часа. Она рассказывала про свою жизнь, которая после расставания покатилась под откос. Тот мужчина, из-за которого она предала Алексея, оказался женат и бросил её через месяц. С работы её уволили за прогулы. Деньги кончились. Она осталась одна, в пустой съёмной квартире, с чувством вины, которое грызло её каждую ночь. Алексей слушал молча, не перебивая. Он не злорадовался. Ему было искренне жаль её. Но это была совсем другая жалость — спокойная, человеческая, без примеси боли или желания вернуть прошлое.

Когда она ушла, он закрыл дверь и вернулся на кухню. Пальма Зинаида стояла на подоконнике и тянулась к вечернему свету. Алексей подошёл, погладил пальцем шершавый листок и тихо сказал:

— Ну вот, Зинаида. Одна история закончилась. Давай начинать новую.

На следующий день на стройке случилось важное. Заказчик приехал не один. С ним была девушка. Высокая, стройная, с короткой стрижкой и строгими чертами лица. На вид ей было чуть больше двадцати, и она держалась с той особой, врождённой уверенностью, которая бывает только у людей, выросших в достатке и родительской любви.

— Познакомься, Лёш, — сказал заказчик. — Это моя дочь, Алиса. Та самая, для которой дом строится. Хочет посмотреть, как идут дела, и, возможно, внести свои правки.

Алиса протянула руку. Пожатие у неё было крепким, почти мужским, а взгляд — прямым и изучающим.

— Наслышана о вас, — сказала она с лёгкой полуулыбкой. — Отец говорит, вы творите чудеса. Мне не терпится увидеть.

Алексей кивнул и провёл их по дому. Показывал выровненные стены, рассказывал про будущие полы, про то, какой цвет он подобрал для спальни. Алиса слушала внимательно, задавала дельные вопросы и, что удивительно, почти во всём с ним соглашалась. У неё был вкус. Тонкий, изящный вкус, который чувствовался в каждом слове.

— А можно мне тоже что-нибудь здесь сделать? — вдруг спросила она, когда они остановились в гостиной. — Ну, что-то своими руками. Понимаете, это ведь мой дом. Хочется, чтобы в нём была частичка меня. Не просто нанятые рабочие, а что-то личное.

Алексей задумался. Потом взял мастерок и кивнул на небольшой участок стены.

— Здесь будет декоративная ниша для камина. Хотите попробовать выложить кирпичную арку? Я покажу как.

И они работали вместе весь остаток дня. Алиса оказалась на удивление способной. Она пачкалась в растворе, смеялась, когда что-то не получалось, и снова бралась за дело. Алексей поправлял её руки, показывал, как держать мастерок, как выравнивать кирпич. И в какой-то момент он поймал себя на мысли, что ему просто приятно находиться рядом с ней. Не как с дочерью заказчика. А как с человеком. Как с женщиной.

С того дня Алиса стала приезжать на стройку часто. Иногда с отцом, иногда одна. Она привозила термос с горячим чаем и бутерброды, и они обедали вместе, сидя на перевёрнутых вёдрах. Разговаривали обо всём на свете. Оказалось, что она училась на дизайнера интерьеров, что любила живопись и японскую поэзию, что мечтала путешествовать, но пока боялась послушаться отца. Алексей рассказывал о себе: о матери, о том, как бросил институт, о своих неудачах и о том, как важно не сдаваться. Она слушала, широко открыв глаза, и в её взгляде он читал не жалость, а настоящее, искреннее восхищение.

— Ты удивительный, Лёш, — сказала она однажды вече-

ром, когда они сидели на крыльце и смотрели, как солнце садится за соседние дома. — Большинство людей после того, что ты пережил, сломались бы. Озлобились бы на весь мир. А ты... ты строишь. В прямом и в переносном смысле.

— Строить интереснее, чем разрушать, — ответил он, глядя на закат. — Разрушать легко. Разрушать любой дурак может. А чтобы построить, нужна вера. В себя, в людей, в будущее. Без этого — никуда.

Она помолчала, а потом тихо, почти шёпотом спросила:

— А любовь? Ты в неё веришь?

Вопрос повис в воздухе. Алексей долго смотрел на горизонт, где розовое небо переходило в густую вечернюю синеву. Потом повернулся к ней и сказал:

— Верю. Наверное, это единственное, во что стоит верить до конца. Без любви всё остальное — просто пустая работа. Можно построить сто домов, но если ты никого не любишь, это всего лишь стены. А когда любишь — это становится домом. Настоящим.

Алиса ничего не ответила. Но её рука, лежавшая на коленях, вдруг сама собой потянулась и накрыла его ладонь. Тёп-

люю, шершавую от раствора и мозолей. Он не отстранился. Так они и сидели, пока последние лучи солнца не угасли за горизонтом, и в доме не зажглись огни.

Лето вступало в свои права. Дом рос и хорошел. Алексей закончил штукатурку, уложил деревянные полы, покрасил стены в тёплый, сливочный оттенок, который они вместе с Алисой выбирали в каталоге. Каминная ниша, выложенная когда-то её неумелыми руками, теперь смотрелась как произведение искусства. Каждый вечер он возвращался домой и первым делом шёл к пальме. Зинаида вымахала почти на полметра и выпустила пятый лист. Глядя на неё, Алексей думал о том, что жизнь — странная штука. Ещё полгода назад он стоял в этой самой кухне, безработный, преданный, никому не нужный, и улыбался своему отражению, потому что верил. Просто верил, что будет лучше. И оно стало лучше. Не сразу. Не по волшебству. Через мозоли, через пот, через бессонные ночи. Но стало.

Как-то вечером, когда работы в доме уже подходили к концу, Алиса приехала поздно. Одна. Без отца. Она вошла в почти готовую гостиную, где Алексей заканчивал крепить плинтус, и остановилась в дверях, оглядывая помещение. Долго молчала, а потом произнесла тихо и серьёзно:

— Знаешь, я должна признаться. Я приезжала сюда не

только ради дома. Ты мне интересен. Как человек. Очень интересен. И я хочу, чтобы ты это знал.

Алексей выпрямился, отложил инструмент и посмотрел на неё. Она стояла посреди комнаты, освещённая мягким светом лампы, и казалась частью этого дома. Его частью. Словно всё это время он строил не для абстрактной девушки, а именно для неё. Для Алисы.

— Ты мне тоже интересна, — сказал он просто. — Но я хочу, чтобы ты понимала: я не богат. У меня ничего нет, кроме этого вот дома, который я строю для тебя, и ещё пальмы в горшке. Я не бизнесмен, не владелец заводов. Я обычный строитель. И скорее всего, твой отец будет против.

Она улыбнулась той самой улыбкой, которая уже снилась ему по ночам, и шагнула ближе.

— Мой отец тебя уважает. А что касается остального... богатство — дело наживное. А вот найти человека, который после всего дерьма, что с ним случилось, продолжает улыбаться и верить в лучшее... такое не купишь ни за какие деньги.

Она подошла совсем близко и положила ладони ему на плечи.

— Ты не обычный строитель, Лёш. Ты человек, который строит свою жизнь. И я хочу быть частью этой стройки. Если ты не против.

Он не был против.

В тот вечер они впервые поцеловались. В пустом, ещё пахнущем краской доме, при свете одинокой лампочки, свисавшей с потолка на проводе. И этот поцелуй был не таким, как с Лизой. В нём не было страсти, сметающей всё на своём пути. В нём было что-то большее. Глубокое, спокойное, настоящее. Как фундамент, на котором можно построить всё что угодно.

Позже, проводив её до машины и вернувшись домой, Алексей долго сидел на кухне. Пальма Зинаида гордо высилась на подоконнике. Он смотрел на неё и думал о трёх вещах. О надежде, которая заставила его идти вперёд, когда всё рушилось. О вере, которая помогла ему не сломаться под ударами судьбы. И о любви, которая пришла неожиданно, когда он уже и не ждал. Три кита, на которых держится его мир. Три столпа, без которых человек — просто ходячий мешок с костями.

Он достал из-под половицы заветный конверт. Денег на-

копилось достаточно, чтобы зарегистрировать ИП и взять первый заказ на отделку. Свой собственный заказ. Не чужой. Завтра он поговорит с Дмитрием Сергеевичем. А послезавтра, возможно, и с отцом Алисы. Он больше не боялся будущего. Он знал: что бы ни случилось, у него есть стержень. Есть надежда, вера и любовь. А всё остальное — лишь вопрос времени и труда.

Он полил Зинаиду, погладил её по листьям и отправился спать. Завтра его ждал новый день. И он знал, что этот день будет хорошим. Потому что он сам его таким сделает.

Глава 4. Закалка

Осень пришла незаметно, подкравшись холодными утренниками и запахом прелой листвы. Алексей стоял на пороге нового этапа своей жизни, и этот этап, как выяснилось довольно скоро, вовсе не был устлан лепестками роз. Скорее уж битым кирпичом и острыми осколками прежних иллюзий.

Он зарегистрировал индивидуальное предпринимательство в маленьком, пропахшем казёнными чернилами кабинете налоговой инспекции. Денег, скопленных в заветном конверте, хватило впритык. На рекламу не осталось вовсе. Да и какая реклама, когда у тебя за душой только руки, ста-

рая «Газель», купленная у Михалыча за символическую цену, и безудержное желание работать. Он расклеил объявления на остановках, написал в нескольких группах в интернете и стал ждать. Неделя прошла в тишине. Вторая. Телефон молчал. Деньги таяли. Алексей снова начал узнавать это липкое, тошнотворное чувство подступающей паники, но гнал его прочь. Нельзя. Не сейчас. Только не после всего, что он пережил.

Первый заказ пришёл, когда он уже совсем отчаялся. Позвонила пожилая женщина, представилась Галиной Степановной и попросила переклеить обои в однокомнатной квартире на другом конце города. Работа была копеечная, грязная, но Алексей взялся за неё с таким рвением, словно строил собор. Он приехал рано утром, снял старые, пропахшие табаком и кошачьей мочой обои, зашпаклевал трещины, загрунтовал стены и аккуратно, стык в стык, наклеил новые. Галина Степановна, маленькая сухонькая старушка с выцветшими голубыми глазами, смотрела на него с каким-то благоговейным ужасом.

— Надо же, — всплёскивала она руками, — я думала, молодые так не умеют. Думала, придут халтурщики, всё испортят, деньги возьмут и исчезнут. А ты вон какой... золотой.

Она заплатила ровно столько, сколько договаривались, и

даже сверху сунула банку малинового варенья. Алексей ехал домой с этой банкой на пассажирском сиденье и улыбался. Пусть заработок был скромным. Пусть это всего лишь одна квартира. Но это было начало. Его собственное, честное начало.

Сарафанное радио, как это часто бывает, заработало быстрее любой платной рекламы. Галина Степановна рассказала соседке, соседка — подруге, подруга — своей дочери. Через месяц у Алексея уже было три объекта. Маленьких, бюджетных, но всё же. Он работал без выходных. Утром — одна квартира, вечером — другая. Между ними — закупка материалов, общение с клиентами, составление смет. Он едва успевал есть, спал по четыре-пять часов, но чувствовал себя живым. По-настоящему живым.

Однако мир, как он уже успел убедиться, не любит, когда кому-то слишком хорошо. Первый удар пришёл оттуда, откуда он не ждал вовсе.

В один из промозглых октябрьских дней, когда дождь барабанил по крыше «Газели», а дворники едва справлялись с потоками воды, ему позвонили из банка. Голос в трубке был металлическим, лишённым всяких эмоций. Ему сообщили, что его долг по микрозайму, тому самому, где он выступил поручителем за Серёгу, продан коллекторскому агент-

ству. И теперь агентство намерено взыскать сумму в двукратном размере. С процентами, штрафами, пенями и какими-то неведомыми комиссиями. Сумма была чудовищной. Такой, которую он не заработал бы и за полгода непрерывной работы.

Алексей положил трубку и ещё долго сидел в кабине «Газели», глядя, как струи дождя размывают очертания домов. Серёга. Снова Серёга. Этот человек, которому он доверял, с которым делил бутерброды в школьной столовой, ударил его в спину во второй раз. И если в первый раз это было просто исчезновение, то теперь это был прямой, почти хирургический удар ножом в позвоночник. Долг висел на нём мёртвым грузом. И не было никакой возможности доказать, что он не брал этих денег. По документам — брал. По закону — должен.

Он приехал домой, даже не помня дороги. Зашёл на кухню, сел на табуретку и долго смотрел на Зинаиду. Пальма разрослась, выпустила уже семь листьев и радовала глаз сочной зеленью. Ей было всё равно на коллекторов, на долги, на предательство. Она просто росла. Просто тянулась к свету.

— Ну и что мне делать, а? — спросил он у пальмы. — Опять всё сначала? Опять ямы, долги, бессонные ночи?

Зинаида молчала. Но в её молчании ему почудился ответ. Тот самый, который он сам себе дал бы год назад. Встать и идти. Просто встать и идти дальше.

На следующее утро он позвонил Алисе и всё рассказал. Честно, без прикрас. Она выслушала молча, а потом сказала то, что он меньше всего ожидал услышать.

— Я знаю хорошего юриста. Подруга моей мамы. Она специализируется на таких делах. Мы разберёмся. Незаконно начисленные проценты можно оспорить. Поручительство тоже не вечно, есть сроки давности. Ты не один, Лёш. Слышишь? Не один.

У него перехватило горло. Он стоял с телефоном в руке, глядя в серое, заплаканное небо, и чувствовал, как в груди разливается тепло. Не один. Она сказала «мы». Это короткое слово из двух букв прозвучало для него громче любого колокольного звона.

Юрист, к которому они обратились вместе, оказалась суровой женщиной лет пятидесяти с железной хваткой и цепким взглядом. Она изучила документы, поморщилась, но вынесла вердикт: бороться можно. Часть долга действительно начислена незаконно. Поручительство можно попытаться аннулировать, доказав, что основной заёмщик скрылся и

контакта с ним нет. Процесс предстоял долгий, нервный, но небезнадёжный.

В тот же вечер Алексей сидел на кухне и впервые за долгое время чувствовал нечто похожее на облегчение. Нет, проблема не решилась. Долг всё ещё висел над ним дамокловым мечом. Но теперь у него был план. И рядом был человек, который верил в него так же сильно, как он сам верил в свои силы.

Тем временем работа шла своим чередом. Заказов становилось больше. Алексей нанял первого помощника — молодого парнишку по имени Коля, тихого и старательного, чем-то напоминавшего ему самого себя в начале пути. Они работали вместе, выезжали на объекты, сдавали готовые ремонты. Репутация Алексея росла. Его имя начали передавать из уст в уста уже не только бабушки-пенсионерки, но и люди посерьёзнее. Молодой, честный, работает на совесть, не пьёт, цену не завышает — это была лучшая реклама, которую только можно придумать.

Но судьба, видимо, решила проверить его до конца. Закалить так закалить.

Однажды вечером, возвращаясь с очередного объекта, он заметил, что «Газель» ведёт себя странно. Двигатель каш-

лял, чихал, а потом и вовсе заглох на светофоре. Алексей с трудом дотолкал машину до обочины и вызвал эвакуатор. В автосервисе вынесли вердикт: капитальный ремонт двигателя. Сумма — космическая. Почти столько же, сколько он отложил на развитие бизнеса. Ремонтировать старую «Газель» было нерентабельно. Проще купить новую. Но кредит ему не дадут из-за испорченной коллекторами кредитной истории.

Он вышел из сервиса, сел на грязную скамейку у дороги и закрыл лицо руками. Мимо проносились машины, обдавая его брызгами из луж. В этот момент он почувствовал себя таким же разбитым, как его автомобиль. Без транспорта бизнес встанет. Заказы срываются. Клиенты уйдут. Всё, что он строил с таким трудом, рушилось как картонный домик.

Телефон завибрировал. Алиса. Он ответил, стараясь придать голосу твёрдость.

— Что случилось? — спросила она сразу. — У тебя голос чужой.

Он рассказал. Молча, коротко, без эмоций. Алиса выслушала и после паузы сказала:

— У моего отца есть старый фургон. Он стоял в гараже без дела. Я с ним поговорю.

— Я не могу, — возразил Алексей. — Не могу брать у твоего отца. Это неправильно. Я должен сам.

— Ты не берёшь, — отрезала она. — Ты арендуешь. За символическую плату. Или покупаешь в рассрочку. Это бизнес, Лёш. Чистый бизнес. Ты бы у чужого человека арендовал? А здесь то же самое. Просто так совпало, что чужой человек — мой отец.

Она говорила так убедительно, так спокойно, что сопротивление становилось бессмысленным. Через два дня Алексей уже сидел за рулём пусть немолодого, но добротного «Форда-Транзит». Машина пахла бензином и кожей, двигатель работал ровно, без перебоев. Он ехал по ночному городу, разрезая фарами пелену дождя, и думал о том, как странно устроена жизнь. Только что ты был на самом дне, раздавленный, беспомощный, а через мгновение снова мчишься вперёд. Не по своей воле. По воле людей, которые в тебя верят.

Зима наступила внезапно, накрыв город пушистым, искрящимся снегом. Работы у строителей в это время обычно мало, но у Алексея, на удивление, заказы не прекратились. Кто-то хотел утеплить балкон, кто-то перестелить полы в ванной, кто-то просто «освежить» стены перед Новым

годом. Он брался за всё. Коля, его помощник, оказался парнем смышлёным и работающим. Они сработались. Вдвоём дело шло веселее.

С коллекторами продолжалась война. Юрист подала иск в суд, начались разбирательства, бесконечная бумажная волокита. Алексей ездил на заседания, давал показания, доказывал, что денег не брал. Это выматывало. Нервы были на пределе. Ночами он лежал без сна, прокручивая в голове одни и те же мысли. Иногда ему казалось, что этот кошмар не кончится никогда. Но каждое утро он вставал, обливался ледяной водой, смотрел на Зинаиду, которая, несмотря на скудное зимнее солнце, упрямо выпускала новые листья, и шёл работать.

Однажды, в один из таких тяжёлых дней, позвонил Михалыч. Голос у него был глухой, какой-то потусторонний. Он сообщил, что попал в больницу. Инфаркт. Врачи сказали, что с его сердцем шутить нельзя. На стройку ему путь заказан. Возможно, навсегда. Михалыч говорил спокойно, но Алексей слышал в его голосе ту особенную, старческую тоску, которая бывает у людей, вынужденных расстаться с любимым делом.

Он тут же поехал в больницу. Купил по дороге апельсинов, какой-то сдобы, минералки. Михалыч лежал в палате на

четверых, бледный, осунувшийся, но с той же хитрой искоркой в глазах.

— Вот, Лёха, — усмехнулся он слабо. — Добегался. Сорок лет кирпичи таскал, а сердце, оказывается, не железное. Простое, человеческое.

Они проговорили часа два. Михалыч рассказывал о своей жизни, о том, как строил дома по всему Союзу, как растил сыновей, как потерял жену. Алексей слушал, затаив дыхание. Этот старый каменщик, грубоватый и резкий, был для него не просто наставником. Он был примером. Живым доказательством того, что можно прожить трудную, полную лишений жизнь и не сломаться. Сохранить себя. Остаться человеком.

— Ты, Лёха, не бойся трудностей, — сказал Михалыч на прощанье. — Я много людей повидал. Одни, как только жизнь их прижмёт, сразу в бутылку или в петлю. А другие, наоборот, только крепчают. Как сталь. Её же для того и калят в огне, чтобы она прочной стала. Ты из второй породы. Из крепких. Помни это.

Алексей вышел из больницы в морозный вечер и долго стоял на крыльце, вдыхая колючий, чистый воздух. Слова Михалыча врезались в память. Закалка. Да, наверное, так и

есть. Всё, что с ним случилось за этот год, — предательство, бедность, долги, неудачи, сломанные машины, суды — всё это было не наказанием. Это была закалка. Испытание огнём, через которое проходят только те, кому суждено стать чем-то большим.

В марте суд вынес решение. Долг признали частично незаконным. Сумму уменьшили втрое. Оставшуюся часть Алексей обязался выплатить в рассрочку на год. Это была победа. Неполная, но победа. Он вышел из здания суда и первым делом позвонил Алисе. Она закричала в трубку от радости так громко, что он рассмеялся.

Вечером они сидели в той самой кофейне, где когда-то работала Лиза, пили горячий шоколад и строили планы. Алиса говорила о том, что хочет открыть свою студию дизайна. Алексей — о том, что планирует расширить бизнес, нанять ещё людей, выйти на новый уровень. Они мечтали вслух, перебивая друг друга, и смеялись. Хозяин кофейни, пожилой итальянец с пышными усами, смотрел на них с умилением.

— Вы счастливые, — сказал он с сильным акцентом. — Это редкость. Берегите это.

Алексей посмотрел на Алису, на её покрасневшие от мороза щёки, на её блестящие глаза, и подумал, что старик

прав. Они действительно счастливые. Не потому, что у них всё гладко. Потому что они вместе. Потому что они прошли через многое и не сломались. Потому что трудности, которые могли бы их разъединить, только скрепили их союз.

Когда он вернулся домой, Зинаида стояла на подоконнике и купалась в лунном свете. Её листья отбрасывали причудливые тени на стену. Он подошёл, погладил шершавый ствол и тихо сказал:

— Спасибо тебе.

Он сам не знал, к кому обращается. К пальме? К Михалычу? К Алисе? К матери, которой уже не было на свете? Наверное, ко всем сразу. Ко всем, кто помог ему выстоять. Ко всем, кто верил в него, когда он сам уже почти не верил. И ещё он хотел бы сказать спасибо тем, кто его предавал и кидал. Без них он не стал бы тем, кем стал. Без них он не понял бы, насколько он на самом деле силён.

Трудности делают нас сильнее. Это не просто красивая фраза из паблика с мотивационными цитатами. Это правда. Выстраданная. Прожитая на собственной шкуре. Заплаченная бессонными ночами, мозолями, слезами и потом. Но теперь он знал это точно. И никто и никогда не мог у него эту правду отнять.

Глава 5. Я тебе не скажу

Весна в тот год выдалась ранней и стремительной. Снег сошёл почти мгновенно, обнажив мокрую, жадную до тепла землю, и уже в апреле на газонах проклюнулась первая, ещё робкая зелень. Алексей стоял у окна своей кухни, смотрел на оживающий двор и чувствовал странное, непривычное спокойствие. Словно после долгой, изнурительной бури наступил штиль. Не временное затишье, а настоящее, глубокое, устоявшееся спокойствие человека, который научился жить в ладу с самим собой.

Бизнес понемногу рос. После истории с «Газелью» и судом Алексей стал осторожнее, но не трусливее. Он больше не боялся рисковать, но рисковал теперь с умом, просчитывая каждый шаг. В его маленькой бригаде прибавилось людей. Коля, который начинал простым помощником, выучился и теперь сам вел небольшие объекты. Появился электрик, пожилой, немногословный мужик с золотыми руками, и сантехник — молодой, дерзкий, но до безобразия талантливый. Они работали слаженно, как единый механизм. Алексей уже не просто махал кистью и таскал мешки со шпаклёвкой. Он стал управленцем. Учился общаться с заказчиками, составлять сметы, планировать графики. Это было непросто. Оказалось, что руководить людьми — это отдельное искусство,

требующее не только знаний, но и характера. Он и здесь набивал шишки. Кто-то из рабочих подводил по срокам, кто-то халтурил, и приходилось переделывать за свой счёт. Но он не сдавался. Упрямо, шаг за шагом, он строил свою репутацию.

С Алисой всё было по-прежнему. И одновременно — совсем по-другому. Они встречались теперь почти каждый день. Она заезжала на объекты, привозила горячие обеды в пластиковых контейнерах, сидела на подоконниках ещё не готовых комнат и рисовала в своём блокноте эскизы интерьеров. Иногда они вместе выбирали материалы, спорили до хрипоты о цветах и фактурах, а потом, уставшие и довольные, пили кофе в какой-нибудь случайной забегаловке. Это было похоже на настоящую, взрослую жизнь. На ту самую, о которой он мечтал в самые тёмные свои времена.

Но была одна вещь, которая не давала ему покоя. Она пряталась где-то глубоко внутри, как заноза, которую невозможно вытащить пальцами. Чувство, что всё это — дом, работа, любовь, уважение — может рухнуть в любой момент. Что за каждым углом его поджидает очередное испытание. Что мир, который однажды показал ему своё истинное, жестокое лицо, не может просто так взять и стать добрым. Он не говорил об этом никому. Даже Алисе. Особенно Алисе.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.